

В. Ф. Бугаев

Виктор Федорович Бугаев родился 2 марта 1950 г. в пос. Тилички на севере Камчатской области. Всю жизнь, исключая годы учебы в институте, прожил на Камчатке. Главный научный сотрудник лаборатории динамики численности лососевых рыб КамчатНИРО. Доктор биологических наук. Автор (соавтор) более 250 опубликованных научных трудов, в том числе научных монографий: «Азиатская нерка» (1995), «Рыбы реки Камчатка» (2007), «Asian Sockeye Salmon» (2011), «Азиатская нерка-2» (2011); научно-популярных фотоальбомов: «Рыбы бассейна реки Камчатки» (2007), «Нагульно-нерестовые озера азиатской нерки» (2008), «Озерновская нерка» (2009), «Нерка реки Камчатки» (2010), «Полет над гнездом нерки» (2010), «Где крупнее лосося?» (2011), «КамчатНИРО-80» (2012) и мемуарных книг: «Мир реки» (2000), «Лучшие годы нашей жизни» (2009). Почетный работник рыбного хозяйства Российской Федерации.

E-mail: bugaev.v.f@kamniro.ru

КАЛЕЙДОСКОП ВОСПОМИНАНИЙ

ISBN 978-5-9610-0043-5

9 785961 000435

В. Ф. Бугаев

КАЛЕЙДОСКОП
ВОСПОМИНАНИЙ

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»

2012

УДК 82.821
ББК 84-5
Б90

Бугаев В. Ф.

Б90 Калейдоскоп воспоминаний. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. – 94 с.

ISBN 978-5-9610-0043-5

Автор книги – известный камчатский ученый-ихтиолог доктор биологических наук Виктор Федорович Бугаев в стихотворной форме рассказывает о работе в Камчатском научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (КамчатНИРО), о некоторых особенностях природы Камчатки и о своем восприятии мира и окружающих его людей. Это первые стихи ученого, ранее известного как автор научных и научно-популярных монографий по биологии лососевых рыб и мемуарных книг.

Издание предназначено для широкого круга читателей – тех, кто серьезно задумывается о смысле жизни, роли человека в познании мира, взаимоотношениях между людьми, а также молодежи, собирающейся связать свою судьбу с научной деятельностью.

ББК 84-5

Публикуется в авторской редакции.

В оформлении обложки использована фотография
реки Сухарики (бассейн реки Камчатки)

А. В. Маслова

ISBN 978-5-9610-0043-5

© Бугаев В. Ф., 2012

Предисловие

Я никогда в жизни не писал стихов. Были научные отчеты, статьи, монографии, научно-популярные книги и даже мемуары. Предлагаемый сборник родился неожиданно. Первое стихотворение «Международный банкет» написано 15 июля 2012 года, а последнее «Озерновский наблюдательный пункт» – 28 октября того же года.

Все началось на озере Азабачьем (нижнее течение реки Камчатки), где я проводил плановые научные исследования нашего института. Я вдруг стал просыпаться ночами и начинал рифмовать стихи на отвлеченные темы. Потом засыпал и утром почти ничего не помнил.

Но однажды на столик в изголовье я положил ручку, бумагу и фонарик. Проснувшись ночью, записал что мне пришло в голову. Утром доработал, и получилось стихотворение, которое назвал «Международный банкет».

Муза ко мне приходила не каждый день. Но по приезде в Петропавловск в начале августа у меня уже было написано около десяти стихотворений и ряд четверостиший, которые позже стали поэмой «Первые экспедиции».

Две недели после возвращения Муза ко мне не приходила, хотя и оставлял письменные принадлежности у кровати. А потом, в утренние часы, почти ежедневно возникало желание что-то написать.

Я объединил все, что написал, в хронологический ряд, и получился этот сборник, названный мной «Калейдоскоп воспоминаний».

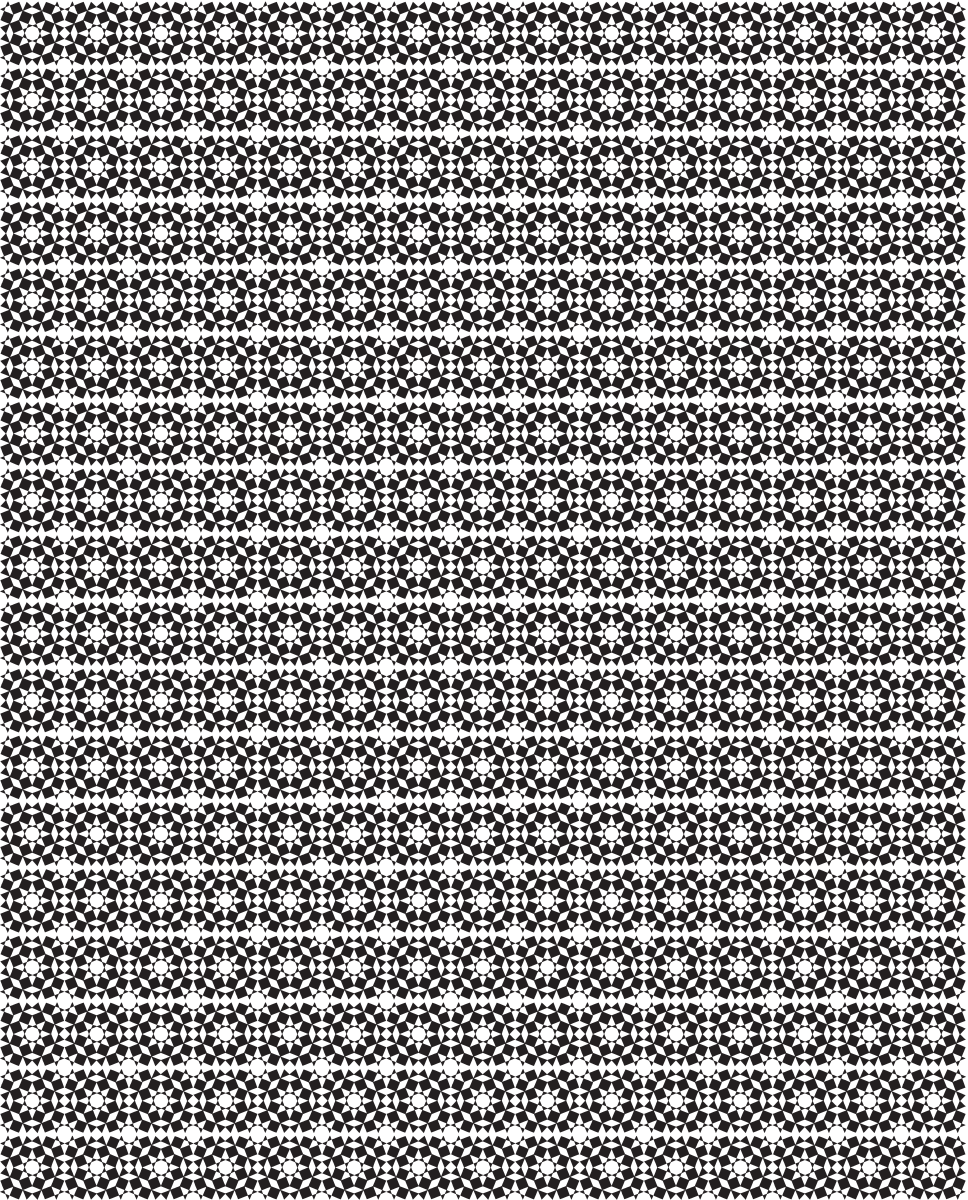
Я не считаю себя поэтом и не претендую ни на какое-либо признание среди литературной общественности Камчатки. Я состоялся и полностью раскрылся как ученый. Мной написано более 250 трудов, включая 12 монографий, которые известны специалистам во всем мире. Знают меня и жители Камчатки.

В своем поэтическом сборнике я просто рассказал, о чем думаю и что у меня на сердце. В жизненных принципах всегда придерживаюсь неукоснительного правила: «Если что-то написано – результаты надо обязательно опубликовать». Может быть, это кому-нибудь будет нужно. Ведь не зря меня Муза будила утром, и я писал то, что шептала она.

В процессе написания стихов неоднократно размышлял: «Почему вдруг ни с того ни с сего я начал их писать?» Стал сопоставлять все события своей жизни в последнее время и пришел к неожиданному бесспорному факту: первое стихотворение было написано через 25 дней после того, как начал употреблять «эликсир молодости» (препарат «Арктика») геронтолога д.б.н. В. В. Зюганова (Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова РАН, г. Москва), который любезно порекомендовал мне принимать его некоторое время для улучшения жизненного тонуса. Конечно может быть, это и чистое совпадение, но другого объяснения пока не вижу. Я начал бредить юностью и осенью!

Выражаю искреннюю благодарность председателю Ассоциации рыбопромышленников Усть-Камчатского района А. А. Копылову за финансовую помощь в публикации моих первых стихов.

Виктор Бугаев

МОИ БИОГРАФИИ

Быть может, духи...
(1970-е гг.)

Быть может, духи... Польские
Были тогда в моде,¹
Ну а духов французских
Мы не видали в природе.

Из комедийных фильмов
Знали: «Шанель № 5»,
Что-то другое если
Никто не мог назвать.

«Красной Москвою» полки
Завалены полностью все,
Но от Москвы до окраин
Жизнь рвалась к красоте.

«Белой акации» ветки
У нас вызывали стон,
Ну а с «Белой сиренью»
Мог свыкнуться только слон.

Цветочные запахи эти
Нам предлагали везде...
Люди пахли цветами,
Но словно в прожаренном сне.

И вдруг аромат незнакомый
Расходится по стране,
Стали прекрасней девчонки,
И что удивительно – все.

Быть может, духи... Польские
Были давно в моде,
Мода прошла, но память
Осталась о них... не проходит.

Секретное задание

(1973 г.)

*Посвящается кумиру моей юности
вулканологу Генриху Штейнбергу*

Мы лежали с тобой одни
Зимним вечером, крытые вьюгой,
Ты шептала мне о любви,
Называя меня упругим.

А потом вдруг пошел разговор
О романтике горных профессий.
Я сказал, что мечтаю
найти одного,
Но адрес его неизвестен.

Рассказал тебе про него,
Как в вулканы спускался он лихо.
Ты лежала рядом со мной,
Но была подозрительно тихой.

Ты прервала: «У меня был роман,
Это мой хороший знакомый».
Я схватил в охапку тебя,
И мы вместе рванули из дома.

Вот и пятый этаж на Тельмана два,
Мы стоим перед дверью, стучим,
нам открыли.

Молодая жена с малышом на руках,
Охладивши наш пыл,
за порог пригласила.

Я ей стал лепетать про вулканов восторг,
И кумира судьбы, и законного мужа,
«Заходите вы завтра, со смены придет,
Все расскажет... это тот, кто вам нужен.

Он сейчас в кочегарке на смене сидит,
Диссертацию доктора пишет
о чертовом кварке».

И, как позже узнал,
Виктор Цой на Камчатке творил
И писал свои песни, как Ш., в кочегарке.

Вот и встретились мы,
Рассказал про мечту
об известном ученом.
Он ответил мне: «Станешь ты им»,
И с тех пор мы были знакомы.

Я был счастлив, но все же спросил у него:
«Почему доктора творят в кочегарке?»
Он ответил: «Ты это все позже поймешь,
И тебе ведь...
придется торчать в кочегарке».

Вот прошло много лет, и однажды в обед
Я услышал рассказ о тебе неизвестный:
Ты растратил бензин, луноход, вертолет...
Был уволен... в науке таким ведь не место.

Он, уехав с Камчатки, академиком стал,
Ведь задание он выполнял для России.

В кочегарке ему отсидеться пришлось:
О секретном заданьи не знали другие.

Мы лежали с тобой одни
Зимним вечером, крытые вьюгой,
Ты шептала мне о любви,
Называя его упругим...

Первая школьная любовь (1974 г.)

Я был Буратино маленьким,
Ты – королевой бала.
Меня ты не видела,
Хотя и вблизи стояла.

А через год мы уехали,
Прошло много лет. Я вырос.
И в этом году особенном
Увидел тебя в сырость.

Конечно, меня не вспомнила,
Я же узнал тебя сразу.
Хотя многие годы
Мы не встречались ни разу.

В рубашке мужской, взрослая
Листала мои ты книги.
Я обнимал тебя, нежную,
Без всякой прошлой интриги.

Шампанское было кстати,
И состоялось свидание.
Мы мультиоргазма дети,
Но это не знаешь заранее.

На реке (1975 г.)

Посвящается Татьяне Т.

Резиновая лодка на плече потока,
Наш сплав любви, наверно, впереди,
Зеленые глаза моей любимой,
Березовый листок, лежащий на груди.

Сиреневый жучок на нитке паутины
Перелетает с острова на луг,
И легкий ветер на плечах девчонки
Касается ресниц ее и губ.

Прибило ветром нас к кустам высоким,
В протоке мы, и не увидеть никому вовек,
Свершится все сейчас, трава высока,
И оба счастливы, и это ведь не грех.

А за бортом вода несла траву и листья,
Песчинки рисовали в чаще дна холмы,
И мелкие рыбешки собирались в стаю,
Я целовал тебя на грани неба и воды.

Ночной костер

(1977 г.)

*Посвящается моему другу
Алексею Токранову*

Горит костер на острове ночном,
Горит костер, и светит он и греет,
И мы сидим возле него вдвоем,
Уверенные, что не постареем.

Наш остров двадцать метров в ширину,
Как будто палуба игрушечного судна,
И с каждой стороны течет река,
Она широкая, разрезанная будто.

На темном небе облака и нет Луны,
Серебряной, нетронутой монеты,
Все звезды далеко, а мы на дне Земли
Пьем чай, едим балык и слушаем сонеты.

Вдруг «Полонез Огинского» возник
Торжественно, как в килевой болтанке,
И нам представилось, как польские войска
Лавиной конницы пошли на танки.

И тут Луна в разрыве облаков
Блеснула ярко звездой менестреля,
Природы слезы – падал редкий дождь:
Они погибли, но не постарели.

Горит костер на острове ночном,
Горит костер, и светит он и греет,
И мы сидим возле него вдвоем...

Азабачинский марафон

(1984 г.)

В низовьях реки Камчатки есть озеро –
сказка Природы,
 Жемчужина данной местности
и полное жесткой свободы².
 Вокруг комары, и горы, и станций научных две,
 А что там творится в глубинах, такое не снится во сне.

Было морским заливом, а стало камчатским раем,
 Поэтому мы, приматы, от голода не страдаем.
 Главная рыба здесь – нерка,
надежда рыбацкой ватаги,
 Но пройдена зона риска и пролетели «бродяги».

Бродяги бывают разные: люди, медведи и птицы,
 И реки такие вредные,
что в некоторых не отнереститься.
 Эффект сексуальный пройден, и в гравии наше семя,
 Могучей лавиной ската рванем в океан весенний.

Но в озёрном нагуле встречаются две инсталляции:
 Одна из притоков средних, другая –
родной популяции.
 Это наши соперники, но и наши друзья,
 Вместе, при низкой численности, мы восстановим себя.

**Миграция сеголетков нерки
в озеро Азабачье**
(1984 г.)

Как сито отсекает нестандарты,
Разлив реки поверху старых озерин
Создал среду борьбы по типу нашей жизни,
Когда один среди живых всегда один.

В протоке – водорослей дым игривых зеленъ
Струилась длинной лентой вдоль земли,
И молодь нерки шла сквозь них, не целясь,
И не петляла в приближении волны.

Нечаянный мыс летящих белых чаек,
И мощь хребтов прозрачнее вдали,
Мы в озеро войдем, но нас встречает
Тугой косяк гольцов в сечении воды.

Стрела гольца, гоняющего стаю,
И искры молоди, стремящейся в исток,
Исход миграции не предрешен заранее,
Процент успеха не для всех истек!

**Озеро Азабачье –
поселок Усть-Камчатск**
(1985 г.)

На лодке с мотором по мелкой ряби
Я ехал в поселок на встречу с любимой.
На пункте нет связи, «но ты позвони...»,
И я позвонить утром двигался к милой.

Над ширью протоки волны острова
Закручивал ветер своей мясорубкой,
И мелкие брызги стучались в меня,
Чтоб вдруг не уснул в это утро, как утка.

Стаи чаек летали вокруг,
Обливая меня своим белым пометом,
Я слился с мотором, как будто всегда
Был отличным военным пилотом.

А протока впадает в Камчатку-реку,
И коричневых волн ждет удар меня с ходу,
Но услужливый ветер разгладил всю ширь,
Как березы листок на окне в дождевую погоду.

Затем курс изменился, и вдруг из-за гор
Солнца жар неожиданно вспыхнул,
Длинной глади белье протянулось вперед,
А в конце – Усть-Камчатска мираж
чуть подпрыгнул.

Не роман-1
(1990 г.)

Приснился дождь на светлой стороне Луны,
И не встречались наши губы на рассвете,
Глядели только друг на друга мы,
И у тебя и у меня ведь были дети.

Самая вкусная рыба

(1994 г.)

Посвящается В. А. Точилину

Японская кухня особая,
Там ценится много тонкостей.
Мы, русские люди, проще
И не выносим колкостей.

Японская делегация
Приехала к нам в КоТИНРО.
Процесс рыбоводства русский
Освоить решили давно.

И рыбовод известный
Решил преподать всем урок:
Как удивить делегацию
На очень длительный срок.

Экзотики ради люди
Приехали ведь сюда,
И мы им гольца на блюде
Заделаем хоть куда.

Навес на реке Аваче
Стоял на берегу.
Лежали там две булки хлеба,
Без смеха я не могу...

Соль, чай и сахар
Имел рыбовод в рюкзаке.
Пикник «без галстуков»
Проходил на реке.

Я умираю от смеха,
Вспоминая этот банкет.
Ловили мы в речке рыбу,
А рыбы все нет и нет.

Время ланча пройдено,
Брекфэста и не было,
Голодные с вечера люди
Слюнями давились давно.

И грезился нам вечер,
Банкетный зал и хрусталь...
Японцы думали молча,
А русские, как всегда, в даль.

Но тут у зачинщика клюнуло,
Стая в сетку вошла,
И появилась надежда:
Будет уха!!!

Повар не чистил рыбу,
Отправил сразу в котел,
А из котла готовую
Вывалил в таз на стол.

Японцы были довольны,
Как ни странно, и мы...
Более вкусного блюда
Я не едал с той поры.

Сидели осенним днем мы,
Был небывалый холод,
Ели вареную рыбу,
Наша приправа – голод!

Не роман-2
(1997 г.)

Жена сказала мне: «Иди ты к своим... неркам»,

.....,
.....,
.....

.....,
.....,
.....,
.....

.....,
.....,
.....,
.....

.....,
.....,
.....,

Ну, а потом... осталась просто жизнь.

Листопад на озере Азабачьем (1997 г.)

Листопад на озере,
Вот и осень, здравствуй!
Рыба вся отнерестилась
И выглядит «не красно».

Чаек гомон у ручьев,
Где остатки нерки,
След медвежий, из рябин,
Свежесть – не померкла.

Синий воздух между гор,
И длиннее ночи,
И медведь стоит в кустах,
Есть тебя не хочет.

Запах осени бодрит,
Чувствуешь прекрасно,
Нити паутин летят,
Но куда – не ясно.

Стая уток, как снаряд,
Падает на воду,
Осень жизни...
Листопад – поцелуй Природы!

**В Камчатском онкологическом
диспансере
(1998–2000 гг.)**

*Посвящается всем специалистам
Камчатского краевого онкологического
диспансера*

Попал сюда я осенью морозной,
Когда на лужах кончилась вода,
Совсем не мог скрывать свои проблемы,
Гигантской толщиной раздулась левая нога.

Диагноз мой был прост – лимфосаркома,
Вполне хватало, чтобы умереть.
«Нет, этот не умрет, – сказал главврач в обходе, –
Ему ведь надо многое успеть».

Врачи меня на химии держали,
Серьезные врачи – камчатский экстра-класс,
А каждые три месяца УЗИ лимфоузлов давали,
Чтоб строил график жизни еще раз.

Прошло чуть больше года, стал спокоен,
И волос лысой головы отлично рос,
Настроился пожить, нога не беспокоит,
Реальным стал врачами сделанный прогноз.

Спасибо вам, специалисты диспансера,
Дай Бог здоровья вам и счастья от души!
Люблю вас всех, красивых людей в белом,
Сказали вы мне: «Бугаёв, иди живи!»

И много лет работаю беспечно,
И в голове рождается такое множество идей,
Не подведу я вас, врачи родные,
Ведь вы не зря спасаете людей.

Разговор сквозь сон

(2002 г.)

Этой молодости сладкий миг проходит быстро,
Супруга сбоку спит, не стал я футболистом.
Не стал сантехником, не стал строителем,
А стал биологом, но не любителем.

Профессию свою люблю до умопомраченья.
А тут жена... Да пек бы ты печенье.
И дырки бы сверлил и бил в них гвозди.
Паркет бы циклевал, ты ничего не можешь!!!

На даче бы копал дернину эту!!!
Согласен, ты права, но жизнь не в этом.
Романтики хочу... речных рассветов...

Ведь рыбы от твоей любви к природе
не прибавится!!!
Да говорю, все так, но НЕРКА нравится.

Любимая моя потерлась теплым носом
И перестала задавать вопросы...

Курильское озеро

(2009 г.)

Посвящается Т. В. Егоровой

Всегда в ветрах, волнах и редко в зеркале
Суровость озеро надменное хранит,
Я не люблю тебя, хотя ты высший класс,
Ты холодно и равнодушно, как магнит.

Центральная скала – в ней сердце Алаида,
Что бьется в глубине и только под волной,
Как шпиль твоей колонны триумфальной,
Почти по самый верх покрытый весь водой.

Ленивый берег тепл от пемзы всей округи,
Исток реки, как зрелая слеза,
Стекает по щеке Камчатки,
Остановить поток уже нельзя.

Гравийно-нерково-медвежья смесь,
Замешанная на странствиях орланов,
И вызывает уваженье твоя спесь,
Живущих лебедей вокруг вулканов.

Второе в мире, первое в России
По численности нерки золотой,
Озерный водоем, один из лучших в пире,
Кормежки молоди, в течениях под водой.

Запомнить эту местность может каждый,
Кто побывал на озере... хоть раз,
Безумство жизни здесь многообразно,
Поскольку озеро – Камчатки глаз!

Кроноцкое озеро

(2009 г.)

*Посвящается Е. М. Крохину,
И. И. Куренкову, С. И. Куренкову*

Никогда я не работал на Кроноцком,
Оно знакомо мне со стороны,
И вот уже КамчатНИРО ушло отсюда,
Лишившись лидера своей мечты.

Когда-то много лет назад в истории Земли
Случилось извержение вулкана
И перекрыло анадромной нерке путь,
А позже все пошло по принципам катрана.

Жилая нерка в озере обычна, а анадромная:
В струю реки Кроноцкой прямо
Мальки хоть единично, но плывут
И возвращаются до водопадов с океана.

Ей нужен рыбоход, поэтому проблемы нет,
Но все зеленые твердят упрямо:
Нет рыбоходу, нет, и нет, и нет,
Здесь заповедник – и нужна охрана!

Для будущих людей его мы сохраняем,
Что рыбы мало в нем, так это все пустяк!
И озеро, беременное неркой,
В реальной жизни не используют никак.

Их побужденья, кажется, понятны,
И знаю – дело происходит не во сне,
Кроноцкий гибельный тупик создали люди –
Марионетки в странной той игре.

Пеплопад на озере Азабачьем (2004 г.)

Посвящается Л. А. Базаркиной

Пеплопад над озером
Чаще – по весне,
Событие случайное,
Но важное для всех.

Посыпанные пеплом
Весенние сугробы
Стремятся все растаять
И намочить Природу.

Ручьи переполняет
Талая вода,
И быстро с гор стекает
Метелей череда.

Раствор природный пеплов
Удобрит толщу вод,
И жизнь зоопланктона
В итоге расцветет.

А это корм для нерки,
Созревши, вся она
Вернется после моря
Лавиной серебра.

Окрестные вулканы³
Пасут нерки стада
И если уж удобряют,
Все рыбаки – ура!

Такой презент природы
Не надо упускать,
Жаль, деньги от рыбалки
Устанешь все считать.

Нам повезло, мы видели
Природы мощи всплеск,
А удобрять вулканами –
Ведь это просто блеск!

Мечты молодого медведя

(2005 г.)

Рябиновые бусы из медвежьих куч на берегу,
Ведь рыба кончилась, берлогой сердце грею,
Без пищи – я медведь – я не могу
И ем рябину эту и балдею.

Мне бражки резкой в животе комок
Раздвинул жизнь с заката до рассвета,
Хмельной гуляю я один, а где-то
Осенней грусти лезть, и не найти ответа.

Я сильный зверь, я гладок, я могуч,
Но гон прошел, я за него не спорил,
Ведь просто время не пришло мое,
Поэтому не стал я девок беспокоить.

Но в следующий год найду любовь по сердцу,
И тогда... все лучшие медведицы округи
Допустят меня к телу своему,
А уж кого я выберу... и быть подругой.

Рябиновые бусы из медвежьих куч на берегу,
Ведь рыба кончилась, берлогой сердце грею,
Без пищи – я медведь – я не могу
И ем рябину эту и балдею...

**Забыли компас –
заблудились в тумане**
(2006 г.)

Мне этот быт знаком до мелочей,
Тинровские ободранные лодки,
«Ямаха» сбоку или посередке
И в озеро впадающий ручей.

Заката писк, и наступила тьма,
Настало время нашего отъезда,
Мы тралом ловим молодь до утра,
Запутавшись в тумане при подъезде.

Круги, круги... закончился бензин,
Тундрóвая вода смешалась вместе с илом,
В тумане не видать, куда забрались мы,
И черту не понять, куда нас мать носила.

Второго судна нет –
 наверно тоже в тине,
А может, он на пункт удачно «залетел»,
Он утром нас найдет,
 ведь он такой счастливый –
Мимо тумана с шиком пролетел.

Но далее с рассветом слышится мотор,
И берег принимает очертанья,

С глубокой стороны к нам движется Второй,
Не спавший ночью, в лодке без названья.

Отлив бензина долю, мы дошли
Самостоятельно к тинровскому подъезду,
Открыли дверь, рассказы вдруг пошли
Под крепкий чай, заваренный с приездом.

Мне этот быт знаком до мелочей,
Тинровские ободранные лодки,
«Ямаха» сбита и не посередке
И в озеро впадающий ручей.

Первый отзвук осени

(2007 г.)

Запах осени нравится мне,
Становлюсь я моложе, почувствовав это,
Запах осени дремлет в душе
Запоздалым последним приветом.

Шквалы ветра гоняют траву,
Создавая волнение поля,
Мощь природы видна наяву,
А на водных просторах – тем более...

Чистых глаз синевы небеса,
Облаков разреженное стадо,
Мне легко на душе, но всегда
Близость осени чувствовать надо.

Расплата за жизнь

(2007 г.)

Мы сидели с тобой у реки на закате,
И пошел разговор об оплате за приз,
О критериях счастья и бессилии судеб
В этом странном отрезке с названием: жизнь.

Дым костра был нанизан на почки деревьев,
И березовый сок нашу жажду гасил,
И весенние травы, пробираясь сквозь темень,
Нам вселяли надежду на безудержность сил.

Но кончается время неразрушенных судеб,
И приходят счета. Как их все оплатить?
А посмертные маски, что снимают уж после,
Это есть и расплата за возможность пожить.

Если ты не родился, то не будет проблемы,
И не будет ни детства, и ни первой любви,
Ни надежного друга, ни счастливого брака,
Ни родителей дома, ни фатальной войны.

Все пройдет тебя мимо, никогда и не вспомнят:
Ни родные, ни дети, ни теща, ни мать,
Потому за отрезок, называемый жизнью,
Этим смертным счастливым свой финал
не сломать.

Мы сидели с тобой у костра на рассвете,
Не заметили ночи, пролетевшей как миг,
И туман заволок все от воды до зенита,
Возвращается солнце, и не слышен наш крик.

Старые рыбацкие кунгасы

(2010 г.)

Безмерная коса южнее Усть-Камчатска,
Кунгасов стадо на песке лежит,
Развалами бортов цепляет сушу,
И лес матерых трав с кустарником стоит.

И зелень вдоль бортов подобна волнам,
Ее гоняет ветер вдоль и поперек,
А в море – там цвета уже другие:
Голубизна, и серость, и восход.

Прибрежный воздух перегрет на солнце,
Насыщен запахом окрестных трав,
И понимаешь: все уж это в прошлом,
И ты не знаешь: прав ты иль не прав?

Что сделано тобой за эти годы
Оценке только позже подлежит,
Сейчас довольствуйся минутой жизни,
Которая вот-вот и убежит.

Спокойствие души дается у причала,
Однажды приоткрытого тобой,
Ведь многие его не замечали:
Он скрыт от глаз, разрушенный водой.

Пришвартовавшись к старому помосту,
Сгребу песок и подмету его,
И лягу на доску, как в доме нашем,
И детство вспомню, маму и ее.

Беспечная коса южнее Усть-Камчатска,
Кунгасов стая на воде блестит,
Развалами бортов цепляет волны,
А лес матерых трав, он вдалеке... он спит.

Сотрудники без степени – обычное явление,
Зачем им диссертации в сраженьях защищать,
И принцип тут простой сформировался:
Лет десять поработаешь – и станет все на пять!

Переиначили и переделали по новой
Известную в нашей стране литу фразу⁴:
«Хоть ты вообще не кандидат,
Ты будешь старшим по приказу»!

Не может старшим стать
без степени сотрудник,
Законы в мире для развития равны,
Поэтому вообще ученым быть никто не хочет.
Зачем? Ведь все они на грани нищеты.

Поздно

(2010 г.)

Все! Уже многое поздно,
Возраст – помеха тебе.
Хочешь не хочешь, а звезды
Видятся только во сне.

Умный, а что в этом толку,
Юность твоя ведь прошла,
Словно со стога иголку
Бросил – судьба не нашла.

Как приспособиться в мире,
Полном бурных страстей?
Осень – забава природы,
Старость – проклятье людей!

Не роман-3

(2010 г.)

Россыпь родинок-звезд на груди у тебя
Я увидел сейчас, но все стало как прежде.
Синих глаз краткий миг вспыхнул взгляд –
и конец...

И разорван контакт этой глупой
неясной надежды.

Можно только мечтать и вздыхать по ночам,
Ты не первый стоишь перед этой дилеммой.
Осень жизни твоя, как фонарь для нее,
Что качается там далеко во вселенной.

Эта «стори» для тех, кому мало и сто.
Дай бог счастья вам в жизни, но это проходит.
А предельное время не минует нас всех,
И случайный далекий фонарь, что тревожит.

Успокойся, старик, так как поезд ушел.
Ты, конечно, пацан, но уже седовласый.
Не смущай ты ее, ей сейчас хорошо,
Не грузи ты ее своей поздней осенней поклажей.

А в чем сила любви – это сложный вопрос.
Ты звучишь на излете природных законов.

Хотя музыки нет, все равно в душе бриз
И светло с тем лучом, что поймал
от небесных приборов.

Россыпь родинок-звезд на груди у тебя
Я увидел сейчас, но все стало как прежде.
Синих глаз краткий миг вспыхнул взгляд –
и конец...
И разорван контакт этой глупой
неясной надежды.

Азабачье озеро

(2010 г.)

Люблю тебя, залив морской,
Твоих медведей сложные движенья,
И самое большое наслаждение –
Встречаться с берегом твоим весной.

Ежи из льда размолоты водой,
Ведь завтра вскрытие по плану,
И синева воды, и нерки тел пурпур
Не требуют сюда могучую охрану.

Без рыбы мы сидим, работая среди нерки,
Лошалых – много, серебрянок – нет,
Зато сазанов тьма, и с голодухи
Едим их иногда, с натугой, на обед.

Култучный пляж, как Вайкики Гавайев,
Нам позволяет десять дней в году
Купаться, отдыхать и, словно в ванне,
Испанию устраивать в пруду.

На мелководе тундры теплый нерест,
Колюшек стаи и сазанов рой,
А сбоку караси молоки выпускают
На самок, переполненных икрой.

А с неркой все серьезнее,
В притоках, на холоде подземных вод,
Проходит скоротечный нерест нерки,
А то медведь сюда уже идет.

Здесь площадей хватает нерестовых,
Но молоди с кормежкой иногда «абзац»,
И только пепел от вулканов дней суровых,
Как грядки в огороде удобряет нас.

Все озеро кипит от силы жизни,
Важнее озера в реке Камчатке нет,
И в основном нагульном доме нерки
Придется есть сазана на обед!

Бессоница

(2011 г.)

Устало все, реальность подступила
Тяжелым камнем отражения Земли,
Нет сил ходить, лежать, а только думать:
Быть иль не быть, о чем мечтали мы?

Воспоминанья прежние тревожить стали,
Как водопад ломает тишину,
Ведь в юности мы все любовь искали,
А в старости – вот смотрим на Луну.

Тех кратеров неровных отраженье,
Где меркнет свет, но серебро звезды
Внушает чистоту прозренья:
С какими мыслями прожили мы.

Тростник мечты, рассеянный и зыбкий,
Романтику беспечной суеты
Сломала простота рассудка
Любви моей, не знающей любви.

Устало все, реальность подступила
Тяжелым камнем отражения Земли,
Нет сил ходить, лежать и даже думать:
Быть иль не быть, любить иль не любить?

Наш путь

(2011 г.)

Вот и начался покой,
Только грусть еще осталась,
А когда-то все казалось
Широченною рекой.

Наступил конец внезапно,
Быта смысл стандартным стал,
Сердце сдавливают мысли:
Жизнь похожа на металл.

Постепенный переход
Радостей земных в печали,
Потеряв аптечный строй,
В ней лекарства все пропали.

Страх нет, нет любопытства,
Безразличье только лишь,
Что когда-то волновало,
Стало просто – только тишь.

Коллектив всегда прав

(2012 г.)

В научной конторе собрание идет:
«Защита прав коллектива»,
Триста работников в списке стоит,
Но с научными званиями хило.

Тридцать семь душ со степенями всего:
Денег за степень не платят,
Большинство «ученых» решило одно:
«Этим придуркам хватит»!

Дрифтерный промысел нерки

(2012 г.)

Есть бройлерный цыпленок, а есть домашняя курица и даже рябчик, упомянутый В. В. Маяковским как еда обеспеченной части населения. Это факт... Садковый лосось – это «бройлер», дикий лосось со ставных неводов – это «домашняя курица», а дрифтерный лосось – это «рябчик»...

С. А. Сняков (2008)

Нас сорок лет учили: дрифтер вреден.
Он много губит в море рыбьих душ,
Комиссий разных и научных сводок
Все доказали это, но возник вдруг куш!
Единство наше долго было...
Пока оно не сплыло в один час.

Потом нас 20 лет «лечили»: дрифтер нужен,
Как рябчикам буржуй и как китайцам рис,
Хотя все в мире этот метод лова осудили,
Мы в свою зону часть японцев запустили.
А затем...
И русскими еще усугубили.

А способ есть простой покончить с этим:
Пустите дрифтера на берег, а потом
Весь лосось сам придет, все это знают,
Но куш не могут разделить – вот дело в чем.
Конца не видно...
Края нет дебатам.

Богатый люд не может жить без лосося,
Как остальные русские не могут жить
без пороса,

А попросту: без дрейфтерных уловов
рыбы-нерки:
Мутация с-л-у-ч-и-л-а-с-я.
Без нерки не могём...
Погибнем и умрём.

Мораль сей басни такова:
Ведь Моськи мы, коль лаем на Слона...
И Моськи хоть куда!

**Азабачинский
наблюдательный пункт**
(2012 г.)

Четыре года строили завод
в районе Пономарки⁵,
Чтоб стало нерки больше на Земле,
Когда достроили его, то оказалось,
Что выпуск молодежи не предусмотрен там
вообще.

Проектировщики попили водки,
Сказали: «Выстроим завод на уровне мечты»,
Заказчики дыру для ордена вертели
И подарили каждому по два ведра икры.

Вначале все пытались «подшаманить»,
Но без воды ведь не туда и не сюда,
И передали тот завод науке,
Пусть бегают с ведром сюда-туда.

Простые опыты там ставят на природе,
Выращивают нерку без воды,
Аквариума хватит тем ученым:
Его объем всего лишь ведра три.

В комплект входило три приличных дома,
В расчете – две семьи на каждый сруб,

Строители уехали оттуда,
А КоТИНРО вдруг получило пункт.

Лет десять берегла наука главный корпус
И скидывала с крыши зимой снег,
Потом все надоело ревизорам,
Списали главный корпус, будто его нет.

И это привидение завода являлось
Кучей дров по пятницам в обед,
И ровно тридцать лет заводом рыбоводным
Топили баню – ведь завода нет.

Тепло, светло, лишь комары кусают,
Условий для работы лучше не найти,
В итоге в КоТИНРО наука расцветает,
Ученые пошли по верному пути.

И пункта юбилей пятидесятилетний
Вдруг наступил, а от жилья – дрова,
Такое ведь всегда бывает,
Если не делали ремонта никогда.

И ставят новый пункт уже в исток протоки,
История хронометр по новой завела,
И будем помнить мы о том заводе,
Где наша молодость научная прошла.

Озерновский наблюдательный пункт (2012 г.)

Учеты нерки речки Озерной
Дают возможность прогнозировать возвраты⁶,
Известный пункт Камчатского ТИНРО
Построили, не глядя на затраты.

В основе счета – крепкий частокол,
И он перегораживает реку,
Открытие контрольного окна дает расчет
На всю пропущенную в систему нерку.

Но новые подходы изменяют мир,
Гидроакустика диктует результаты,
А старый частокол не нужен больше там,
Ведь качество работ не понесет утраты.

Как только люди снимут «загорóдку» –
Изменят ситуацию в протоке,
Лососи в массе к нерестилищам уйдут,
Медвежий цирк закроется в Истоке.

Медвежья ловля нерки возле пункта
«Туристской Меккой» стала для страны⁷,
И изменение давнишних методов учета
Сломает все, к чему привыкли мы.

Прогресс в науке не остановить,
А новизна в учете – ветер перемен,
И разбредутся к нерестилищам «друзья»,
А что туристам показать тогда взамен?

Отец и сын.
В ритме А. Городницкого
(2012 г.)

Вот и все. Для тебя я
 не сделался близким,
Много лет между нами
 потоком струилась вода.
И куда нам деваться теперь?
Жизнь прошла слишком быстро.
Вот и сказки конец.
И теперь он уже навсегда...

Подражая классику

(2012 г.)

Здравствуй, милая подружка,
Поцелуй меня скорей.
Где же кружка? Я твой Пушкин
И услада твоих дней.

Ответ критикам

(2012 г.)

Я знаю: плохо все, но это все мое –
Приливы жизни и ее отливы,
И все-таки уж очень я счастливый,
И критикам не поломать ее!

Первые экспедиции

(1975–1978 гг.)

В 75-м году я попал в Усть-Камчатск
И на озеро – чудо природы⁸.
Стало ясно тогда: без мотора не жизнь,
Без мотора не будет свободы.

Спустя год, получивши «Вихря»,
Мы плывем теплохода дорогой,
И на барже, сгрузив нас на рейде устьев,
Нас заводят в камчатские воды.

Погранцы, паспорта – для шпионов заслон,
Нас пускают – бумаги в порядке,
И, добравшись под вечер до дома ТИПРО⁹,
Оказались в итоге в осадке.

Окна выбиты, двери висят,
Снег пошел – ведь начало июня,
Но команда какая была у меня!
Не струхнула, а вызвала бурю.

Все дерьмо мы лопатой скребли до бела,
Стекла вставили или забили,
Кочегарили печку, и вскоре она
Успокоила нас... борщ сварили и пили.

А проснувшись по у́тру
 в спальных мешках,
 На помойки пошли за посудой,
 Ведь сезонники, что приезжают сюда,
 Каждый год покупают не худо.

На помойке кроватей... – ночей забытье,
 Мы стащили в нашу контору,
 Стол здесь был, и работа пошла
 В эту летнюю стылую пору.

Самосвалы бутылок пустых
 Кем-то собраны (верно для сдачи),
 Занимали полдома всего,
 Мы считали, что это удача!

Было место и было жильё,
 И уют, и тепло, и работа,
 Вот изучим всю нерку – и стоп...
 И вернемся в ТИНРО беззаботно.

Азабачинской лодки дюраль,
 Установлен мотор наш надежно,
 Мы рванули на первую реку всего!¹⁰
 И застряли, что было не сложно.

Мы не знали когда в реку нерка пойдет –
 Вся стояла в низовьях притока.
 Ждали несколько дней, а она все не шла,
 Но дождались в итоге мы срока.

Взята первая сотня (из тысяч) всего,
 Из всех тех, что считали по плану,
 И к другой речке ехать нам надо¹¹, и тут
 Сдох мотор, и началась «динама».

Коленвала рука показала нам болт,
Все расстроилось, плакать нам нужно,
Но сосед усть-камчатский решил:
«Пусть идут»,
Ведь сочтемся с тинровцами дружбой.

Дал запчасть, мы собрали мотор,
На сухую завелся прекрасно,
Но, когда опустили в воду его,
Он заглох, и все стало не ясно.

Двое суток терзали мы вместе мотор,
Но картина меняться не стала,
И решили с соседом поехать в Ключи
На его плавсредствах всей оравой.

И на редане в лодке две
Неслась бригада вечером в Долину,
Сосед в инспекцию¹² доставил нас
И сразу же покинул.

А у инспекторов решилось все с мотором,
Во всем ведь были виноваты мы:
Поршня в мотор воткнули не как надо
И так бы заводили до зимы.

Река Еловка и «Горбун» неровный,
Ловили нерку здесь, но только днем,
Ведь ночью ключевские браконьеры
Мешали нам ловить своим трудом.

Район тот покидали с облегченьем,
Романтики началось забытье,
Мелькали речки, мы икру копили,
Чтоб обменять всю на бензин ее.

А Толика Ходько пустили на побывку,
Троих ведь лодке не забрать вовек,
Ведь снаряжение стало нам проблемой,
И нам не нужен «лишний» человек.

Санек Повчун – студент, он из Ростова,
До Милькова работал, ну а там –
 рванул домой;
И вниз, в Устья, мы возвращались двое –
С Ходько, вернувшимся в реки прибой.

Студенческий отъезд, но это позже,
Я сам уехал в город до жены,
И целых ночи две мы были вместе¹³,
Любили... пили... так же как и вы.

Ну, а потом... мы вниз скользим
 по водной глади,
Река Камчатка – словно лучший друг,
И наш дуэт работал до упаду
До сентября в оранжевом вокруг.

Гроздь красной рябины в низовьях реки
Намекали о скором возврате,
Возвращаются все, возвратимся и мы:
Рады жизни, с лихвою, нам хватит!

Усть-Камчатск, теплоход
 и приход в родной порт,
Дело сделано, мы победили!
Здравствуй, город родной,
 возвратились домой,
К женам нашим, чтоб те нас любили!

* * *

На следующий год
на рейде Усть-Камчатска
Сгрузили мы и лодку и мотор
И сразу же рванули на Еловку,
Поймав оперативности простор.

Река Камчатка покорялась, как девчонка,
Доверившись мальчишке со двора,
И новый наш дуэт работал, как метелка,
С восьми утра и до восьми утра.

Напарник мой – был Штэйников Борис,
Студент с Перми, попавший на Камчатку,
И каждую речушку вместе с ним
Утюжили, как школьную тетрадку.

По договору мы добрались до Ушков¹⁴,
А там Токранов Леха его сменит,
И встреча состоялась, и обмен готов:
Как Абея на Пауэрса в Вене.

Новейший наш дуэт шел вверх
в исток Камчатки
С обловом рек-притоков и озер,
И много мы людей встречали по дороге
В разливах рек и зыбких берегов.

И судьбы тех людей
в рассказах быстротечных
Сливались с нами,
словно кислород Земли,
И эти дни, казалось, будут вечны –
В работе, у костра и в зарослях травы.

Речные берега готовили сюрпризы,
 Весь поиск в экспедиции
 до совершенства довели,
 Поверить трудно, но ведь это правда:
 В районе Николки¹⁵ мы бивень
 мамонта нашли.

Здоровый бивень был, поэтому не взяли,
 Решили: пусть дней десять поторчит,
 Но, к счастью нашему, его забрали...
 А может быть, на дне реки
 он все еще лежит?

Вот Мильково, инспекция, верховья,
 Окрестных рек-притоков земной пазл,
 Вдвоем бродили мы (а иногда по трое),
 Ловили, мерили, как будто в первый раз.

Залетный вертолет был нами встречен,
 Заброс осуществили в тот же час,
 Речной косы песок стал нашей базой,
 Ну, а потом тот вертолет чуть не забыл
 про нас.

В те дни дожди глушили всю Камчатку,
 По графику тот путь проложен сверху вниз,
 Отчалил наш дуэт в разрыв дождя,
 не сладко,
 Но молодость – ведь это не каприз.

На мокрых берегах костры мы разжигали,
 Палатку ставили, жевали рыбу
 и варили рис,
 А в спальные мешки – мы с чаем залезали
 Под радио Москвы известнейших актрис.

А утром все по новой начиналось,
В разрыв дождя мы вновь
 стремились вниз,
И Бог погоду дал, и это наша радость,
Дуэт по-прежнему с работой – это приз!

В однообразии тупеешь понемногу,
И с лучшим другом я развил конфликт,
Он уговаривал меня остыть немного,
Я был безумен от работы в этот миг.

И мы расстались с ним внезапно
В закате солнца вечером в Ключах,
Он улетел на самолете безвозвратно,
Я ж – ночевал в Куражечном в кустах.

Огонь костра вдруг прояснил мой разум,
Снял наваждение трудного пути,
Сказал: прости ты, Леха, дурака-заразу,
Мне без тебя сюда бы не дойти.

Весь материал собрали для работы,
А это диссертации кусок,
Весь отпуск посвятил ты свой пройдохе,
И часть твоей души ушла на дно, в песок.

И я раскрылся и просил прощенья:
«Прости меня, ведь я безумен был»,
Горел огней ночных притихший город¹⁶,
На фоне гор-вулканов и ветрил...

Огонь костра в районе Усть-Камчатска,
Мечтали мы здесь вместе посидеть
И поваляться на прибойке беззаботно,
Как в пламени оранжевая ветвь.

Я дорабатывал один в низовьях две недели,
Ночевка в лодке, кофе аромат с утра,
Звонил в ТИПРО и думал о потере
И встрече с другом, ждавшего меня.

* * *

На третий год – поставил точки в сборах,
Мой бастион – родимый Усть-Камчатск,
Два месяца сидел я на заводе,
Работая с уловами в цехах.

Напарник мой, Непомнящий Костюха,
Студент-дипломник, он был из Перми,
Влюбился в наш Камчатский край безмерно
И видел то, о чем не знали мы.

К окрестностям озер камчатских
Мы методично обновляли путь
И каждые пять дней с ночевкой
Бродили в новом озере по грудь.

Ловили молодь лососей и нерки,
Колючек, камбалу, миногу, карася,
Копили материал, и истина рождалась
Корявая, но все-таки почти что вся.

Закончился сезон рыбацкой нерки,
И мы свободны в поисках своих,
И вот несемся мы в верховья мира
Реки Камчатки и объятиях троих.

Троих друзей, дарованных мне Богом,
Ведь трудности для нас не глубоко,

Да здравствуют мои друзья земные –
Непомнящий, Токранов и Ходько.

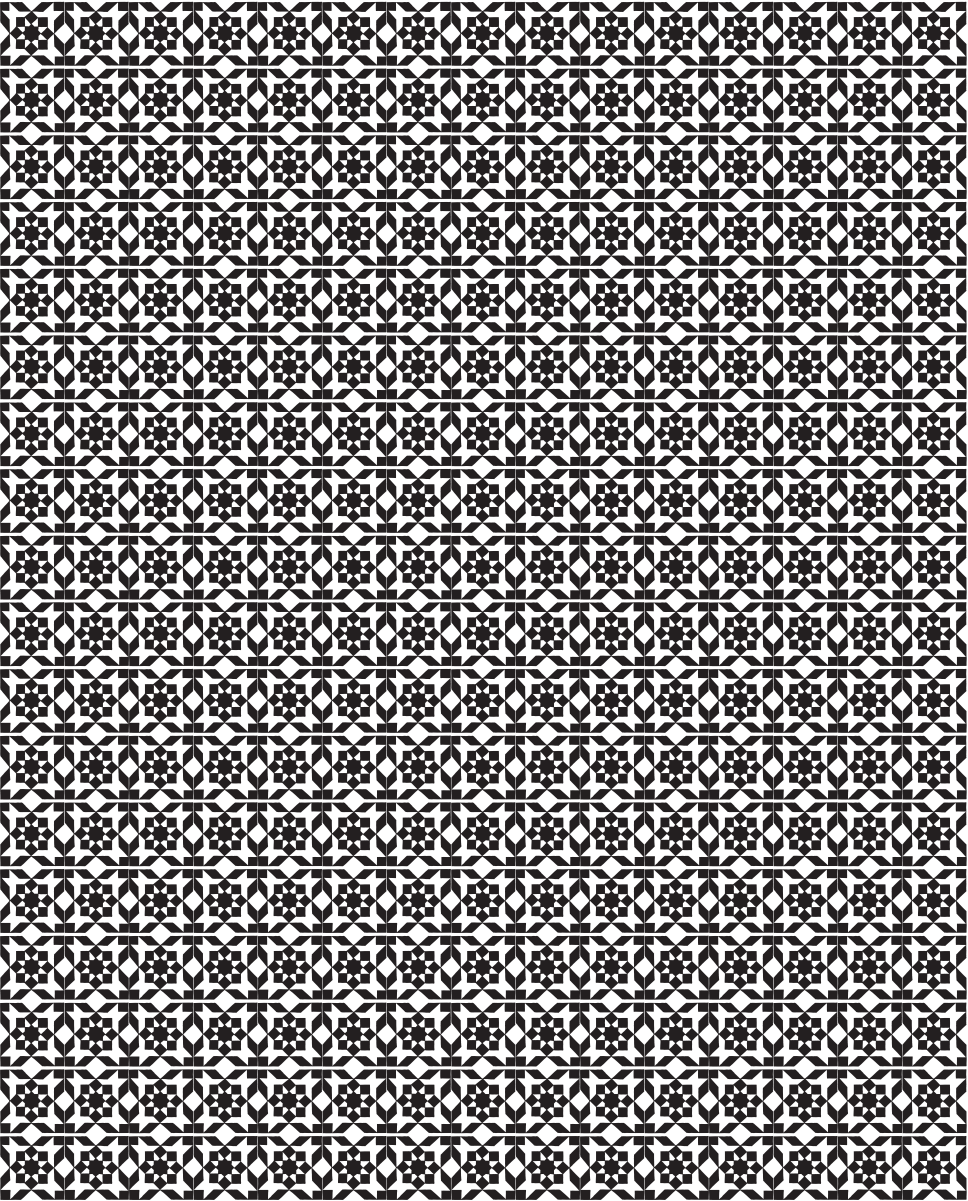
* * *

Вот тридцать лет прошло,
 состарились немного,
Я и Токранов – доктора наук,
Ходько – в ТИПРО, Непомнящий – в полете,
Уехал к маме, в Пермь, и нет его уж тут.

* * *

Остались уточнения небольшие,
Которым посвятил я сорок лет,
В корректировках жизнь пройдет
 вся в этом мире,
А абсолютной истины все нет и нет.

Люблю друзей, дарованных мне Богом,
Ведь трудности для нас не глубоко,
Да здравствуют мои друзья земные –
Непомнящий, Токранов и Ходько.

РАЗНОЕ

Бессмертие

Лекарства от смерти нет и не будет,
И в этом чистая правда на блюде.
Игры в бессмертие нравятся людям,
И все это было, и все это будет.

Законы природы не знают отмены,
Ведь циклу развития нужны перемены.
Матрица жизни себя производит,
Но в сфере реальной сбой происходит.

Сбой – это гений творенья людского,
Новое в практике мира иного,
Тонкий продукт изменений такого,
В корне отличного от неживого.

Эту субстанцию холят и нежат,
Проблемы хранения ее неизбежны,
И знания корни – продукт нашей жизни,
Писали на камнях, в книгах и мысли.

Кому это надо, всем непонятно,
Но жизнь, как и смерть,
не приходит обратно.

Мужики приходят реже¹⁷

Мужики приходят, но приходят реже,
В белые постели, как в экспресс, не лезут,
И гипюр прозрачный их тревожит мало,
Весну жизни нашей не начать сначала.

В трудные моменты этой нашей жизни
Мы хотим немного и лелеем мысли:
«Мы такие яркие, лучше, чем матрешки»,
Но мужчинам нравятся молодые кошки.

Обезьяны нравятся – только молодые,
Наше время кончилось, к ним пришли другие.
Серые и белые, пегие и рыжие,
Растворяют мужиков, милые... бесстыжие.

И мечты прекрасные (в голубую просинь),
Осень – девка яркая! Осень – это осень!

Поэтому Природа удаляет
Часть М. своюю мудрою косою.
Конечно, к женщинам и М. приходят,
Но только очень редкой полосой.

Неизбежные потери

Всех друзей мы – выбираем,
Но с годами их теряем;

Жен, мужей – мы выбираем,
Но с годами их теряем;

А детей – не выбираем,
Но с годами их теряем.

Развивается контакт,
Все становится не в такт.

А причина этой траты –
Мы свое лицо теряем.

Бессмертие и основной инстинкт

Любовь тогда чиста, когда мы молодые,
А если после – это чаще просто секс,
Садимся мы в вагоны голубые,
Но через 10-20 станций случается разъезд...

Здесь каждый может выбирать «противников»,
Войну полов не надо отрицать,
Так много раз, насколько долго их
Любвеобильный сможет содержать...

И если есть на что купить билет,
Стремятся выбрать: молодость, не старость,
Но пропасть возрастов потом становится –
Почти для всех участников не в радость.
И разбегаются...

Альянс ровесников возможен и под старость,
Но только в случае, что деться некуда
и секс уже не сладость...
Проблема выросла на фоне длинной жизни
Человека,
Поэтому бессмертие – отнюдь не сказка
следующего века¹⁹.

Водные обезьяны – предки человечества?

Мы – племя водных обезьян,
Живем только в лагунах,
Где воды теплые по грудь,
Полны моллюсков юных.

Белок моллюсков кормит мозг²⁰,
Мы не едим бананы,
Как те, что среди пальм живут,
Но с поведением странным.

Все тело голое у нас,
И этим мы гордимся,
А волосатых, из лесов,
Мы обезьян боимся.

И воровство наших подруг –
Страсть волосатых подлых,
Детенышей рожают те,
Для нас уже не годных.

Мы самок бережем своих
И не хотим контактов,
А волосатых – на вертел,
И это все... «де факто».

Мы открыватели огня,
И в этом наша фишка,
Хотя мы лысые сейчас,
Но в будущем – мы «шишки»!

Компьютер мы изобретем,
И колесо, и поле,
А волосатые друзья
Останутся на воле.

Недостающее звено
Совсем не потерялось,
Мы из лагун повылезали
И в городах остались!

Как повествует современная наука,
Все люди – это предки марсиан,
А что вернее – водных обезьян.

Люди-мотыльки

В отличие от собак и даже кошек,
Люди никогда не способны к чистой любви,
Смешивать любовь и ненависть отношений
Они по природе должны.

Если кто любит, любви в жизни больше,
Остатки ненависти покоятся на дне,
Но, если взболтать стакан жизни,
Вкус коктейля никто не представит вообще.

Кухня Природы важна для Прогресса,
Ненависти в Эволюции нет вообще,
Но людская любовь горит в топке Природы
Для смены других мотыльков на земле.

А для чего вся наша дружба?..
Расспрашивать себя не нужно.

Тимоти, Агата и Том

Памяти Рея Брэдбери

Нас трое маленьких детей –
Тим, Агата и я;
И папа робота купил,
Ведь наша мама умерла.

Тот робот на витрине был,
Похож на старую бабушку,
И ключ золотой в магазине
Вручили нам, как оладушку.

Доделывать ее должны
По нашему желанию,
И спорить начали все мы,
И родились искания.

Мы выбирали цвет волос,
Глаза, живот и талию,
Как будто бабушка была
Прямо из Австралии.

И через месяц вертолет
Привез нам нашу «душку»,
Лежала в ящике она
С пуховыми подушками.

Наш ключ в пупок воткнули ей,
И бабушка ожила,
Знакомство здесь произошло,
И счастье, счастье всплыло!

А бабушка – не уговаривала,
Ждала и не просила,
Но очень важным было в ней
Улыбка: одного тебя любила.

И самый главный феномен,
И в этом его сила,
Она всегда превращалась в того,
С кем в тот момент говорила.

Никто не спорит сам с собой,
Поэтому конфликты
Кончались быстро,
 словно вздох,
Едва-едва возникнув.

А бабушку создали те,
Кто детство свое помнил,
И чувства детского мечты
Не растерял, не отнял.

Мы были счастливы семь лет,
Потом пошли отъезды,
Учиться жизнь забрала нас,
Не быть уже всем вместе.

И вертолет наш прилетел,
А бабушкин – чуть позже,
Последние слова ее
Забить никак не можем.

«Подругой детства вашего
Долго служила я,
Но, когда вы состаритесь,
Позовите меня».

Мы обнимали бабушку
И покинули дом навсегда!
Нет! Мы никогда не состаримся.
Никогда!.. Никогда!.. Никогда!..

Жили, успешно работали,
Строили семьи, мечты, города,
Нет! Мы никогда не состаримся.
Никогда!.. Никогда!.. Никогда!..

* * *

Прошли, промелькнули годы,
Состарились – Тим, Агата и я,
Дети совсем стали взрослыми
И покинули наши дома.

Жены, мужа – умерли,
Старели – Тим, Агата и я,
Стали мы все одинокими
И покинули наши дома.

И вот мы опять в отчем доме,
Родителей нет навсегда,
Все получилось по Диккенсу,
А мы... никогда, никогда, никогда!!!

Вернулись в свои детские
И через много десятков лет
Стали искать обои,
Которых давно уже нет.

И под семью слоями
Старая сказка нашлась,
Знакомые тигры и зебры
Вновь ожидали нас.

Верхний слой снят и оторван,
И я нахожу без труда
Старых слонов и кошек,
Безумно любивших меня.

Ты обещала, бабушка,
Что только наступит пора,
Вернешься ты к нам, любимая,
Мы стары. И ты нам нужна!

Мы больше не узнаем,
Ни времени, ни себя,
Старые люди беспомощны,
Мы любим! Мы любим тебя!

Мудрая бабушка наша,
Отрада детской поры,
Вновь мы в тебе нуждаемся,
Приходи! Приходи! Приходи!

И по утрам мы вскакиваем,
Ждем вертолет судьбы,
Ты ведь всегда живая,
Приходи! Приходи! Приходи!

Ключ золотой от бабушки
У Агаты лежит на груди,
Скоро он станет нужен,
Приходи! Приходи! Приходи!

Полковник

Памяти Рея Брэдбери

Привязан я к каталке много лет,
Но только из дому уйдут мои родные,
Прошу, кто есть, чтоб дали телефон,
И я звоню в просторы, дали, шири...

Звоню я в юность – встреча с ней прекрасна,
И на далеком проводе Земли
Снимают трубку, говорят: «Согласны»,
И слушай: океан... и города шумы.

Дрожащею рукой... я набираю номер,
В далеком Мехико подняли трубку, но...
«Синьор Полковник, мне нельзя, Вам тоже...»,
Прошу тебя... открой еще окно...

Окно открыто, трубка на свободе,
И Мехико шумы близки, и слышу я:
Ревут гудки, кричит многоголосье,
Мне снова 25... и в переулках нет дождя.

Вошла сиделка: «Все о'кей, полковник?»,
«Да, мэ...» – успел ответить я,
И чувствовал себя еще в полете...
В том переулке на брусчатке без дождя.

Я десять лет не выходил из дома,
Сиделка забирает телефон... и, не таясь:
«Вам вредно, дорогой,
Вам не нужны волненья,
И завтра Вам отключат эту связь».

Те долгие звонки через моря и океаны
Прервутся через дебри девственных лесов,
Не будет городов, озер, вершин, контактов,
Закроют Сингапур... и Рио... и Лахор.

Ушла сиделка, я ползу по полу,
С большим трудом тяну я телефон,
В последний раз прошу, ведь нас прервали:
«Соедините», и сигнал пошел.

И ясно слышу я подход трамвая,
Толпу людей, стремящихся залезть,
И рельсов звон, и радость человеческого рая,
За океаны миль, и мне в него не влезть...

* * *

Внук подошел, из рук холодных деда
Взял трубку и услышал лишь одно –
Неясный звук среди разрядов и гуденья:
В далеком Мехико...
закрылось времени окно...

Комментарии

1 Композитор Эдди Рознер специально для певицы Капиталины Лазаренко написал песенку «Может быть», которая в ее исполнении сразу же стала популярной. Поляки так полюбили эту песню, что выпустили духи «Может быть», они мгновенно стали обожаемыми в СССР. Это были первые «взрослые» духи. Поинтересуйтесь у своих любимых мам – в ответ услышите только вздох чудесных воспоминаний (из Интернета).

2 В озере Азабачьем, расположенном в нижнем течении реки Камчатки, нагуливаются две группы молодежи: одна абригенного стада (стадо «А»), другая – из притоков реки Камчатки (группировка «Е»). Стадо и группировка находятся в конкурентных пищевых взаимоотношениях. Есть гипотеза автора стихотворения, что «домашний инстинкт» у нерки группировки «Е» понижен. Это является следствием довольно продолжительного нагула данной молодежи в озере. В результате некоторые особи половозрелой нерки группировки «Е» мигрируют не на родное нерестилище, а в озеро Азабачье. Вероятно, их потомство становится особями стада «А». Без мечения заходящей молодежи магнитными метками, а потом отыскания помеченных рыб этого же поколения на нерестилищах доказать данную гипотезу невозможно.

3 Вулканы Ключевской, Безымянный, Шивелуч, Толбачик.

4 «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан».

5 Приток озера Азабачьего.

6 В ихтиологии существует понятие «численность поколений», когда численность рыб-родителей, отнерестившихся в учетном году, сопоставляется в дальнейшем с общим возвратом созревших рыб (разного возраста), вернувшихся от учетного года нереста.

7 В истоке реки Озерной перед рыбоучетным заграждением в летнее-осенний период наблюдается значительное скопление бурых медведей, которые ловят рыбу, не обращая внимание на присутствующих людей. Это объясняется стабильным присутствием большого количества нерки перед заграждением, т. к. пропуск рыб в озеро осуществляют только по мере ее накопления перед препятствием. Если заграждение уберут, то рыба не будет задерживаться здесь и в массе будет мигрировать в озеро Курильское, откуда вытекает река Озерная. Отсутствие рыбы приведет к тому, что медведи из истока Озерной переместятся на нерестилища нерки, расположенные в бассейне озера Курильского. Оборот туристических групп на озере Курильском курируют сотрудники Государственного заказника «Южно-Камчатский», образованного в 1996 году (находящегося под юрисдикцией ФГБУ «Кроноцкий государственный заповедник»), кордон которых расположен по близости от наблюдательного пункта КамчатНИРО.

8 Озеро Азабачье.

9 Ул. Комсомольская, д. 149.

10 Река Радуга.

11 Река Еловка.

12 Рыбинспекция.

13 Через 9 месяцев моя жена Татьяна родила дочь – Анастасию.

14 Ушковский рыбоводный завод, расположенный на озере Ушковском (ниже поселка Козыревск).

15 Приток реки Камчатки.

16 В то время – город Ключи.

17–18 Эти два стихотворения написаны в дни хорошего настроения, когда происходило празднование 80-летней годовщины образования КамчатНИРО.

19 В будущем мир будет населен бессмертными сексуально озабоченными стариками и старухами. Их будет одолевать неизлечимая болезнь бессмертных – скука. Из-за нехватки продовольствия они всегда будут голодными. Прогресс начнет давать сбои.

20 Имеющиеся в моллюсках в большом количестве незаменимые аминокислоты способствуют формированию и развитию мозга.

Содержание

Предисловие3

Мои биографии

Быть может, духи.....	7
Секретное задание	9
Первая школьная любовь.....	12
На реке	13
Ночной костер	14
Азабачинский марофон	16
Миграция сеголетков нерки в озеро Азабачье	18
Озеро Азабачье – поселок Усть-Камчатск	19
Не роман-1	21
Костры на берегах реки Камчатки	22
Самая вкусная рыба	23
Не роман-2.....	26
Листопад на озере Азабачьем.....	27
В Камчатском онкологическом диспансере	28
Разговор сквозь сон.....	30
Курильское озеро.....	31
Кроноцкое озеро	33
Пеплопад на озере Азабачьем	35
Мечты молодого медведя	37
Забыли компас – заблудились в тумане	38
Первый отзвук осени	40
Расплата за жизнь.....	41
Старые рыбацкие кунгасы.....	43
Рыбохозяйственная наука	45
Поздно.....	47
Не роман-3.....	48
Азабачье озеро	50
Бессоница	52
Наш путь.....	53
Коллектив всегда прав	54
Дрифтерный промысел нерки.....	55
Азабачинский наблюдательный пункт.....	57
Озерновский наблюдательный пункт.....	59

Отец и сын. В ритме А. Городницкого.....	61
Подражая классику.....	62
Ответ критикам.....	63
Первые экспедиции (поэма).....	64
Разное	
Бессмертие.....	75
Мужики приходят реже.....	76
Му́зики приходят реже.....	77
Неизбежные потери.....	79
Бессмертие и основной инстинкт.....	80
Водные обезьяны – предки человечества?.....	81
Люди-мотыльки.....	83
Тимоти, Агата и Том.....	84
Полковник.....	88
Комментарии.....	90

Бугаев Виктор Федорович
Калейдоскоп воспоминаний

Стихи

Публикуется в авторской редакции

Корректор М. Гаврик
Оригинал-макет Д. Злотникова

Подписано в печать 27.11.2012 г. Формат 60 x 84 / 12.
Бумага офсетная. Гарнитура «Constantia». Усл. печ. л. 7,28.
Тираж 400 экз. Заказ № 2618.

Издательство «Камчатпресс»
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а

Отпечатано в ООО «Камчатпресс»
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а
www.kamchatpress.ru